

Анна Кудинова

Жизнь

16+

Анна Кудинова

На Брест

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кудинова А.

На Брест / А. Кудинова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Драма посвящена судьбе одного, на первый взгляд, совершенно обычного мужчины, чья жизнь складывалась по закону человеческих правил и предрассудков. Буквально за пару дней в дороге главный герой переосмысливает свою жизнь, в корне меняя её смысл, а помогает ему в этом случайный попутчик, который остается для читателя загадкой на протяжении всего рассказа. Именно совместный путь помогает главному герою совершить поступок, который способствует осуществлению его мечты. В оформлении обложки использовано изображение "На Брест", автор А.Кудинова.

© Кудинова А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Как-то Бог сказал мне: – Я не заберу тебя до тех пор, пока ты сам об этом не попросишь.

*Кажется, это было во сне, но с тех пор я думаю о смерти,
а именно о том, как должна прозвучать эта просьба...*

1

С первыми лучами летнего солнца город оживает, суета буднего утра всегда одинакова: разноцветные машины толпятся на поворотах и светофорах, шум работающих двигателей создает звуковой фон и наполняет городские улицы жизнью. Воздух сегодня влажный, потому что ночью прошел дождь, и асфальт в некоторых местах еще поблескивает, пахнет летними травами вперемешку с выхлопными газами.

Ближе к окраине города машин становится меньше, дорога то и дело заворачивает влево, потом вправо, поднимается наверх и спускается вниз. Наконец она выводит на центральную улицу и устремляется прямо, разбитая пешеходными зебрами и висящими над дорогой светофорами.

Зеленый свет виден издалека и горит уже довольно давно, все стараются пролететь, прибавляя скорость, будто именно этот «зеленый» последний. И только одна маленькая машина почему-то начала резко тормозить. Сзади тут же раздался сигнал, и чей-то нервный голос выкрикнул из открытого окна: «Что ты тормозишь, зеленый же!». К этому времени уже заморгал желтый, и все остановились. Люди суетливо поспешили по дороге навстречу друг другу.

Маленькая зеленая машина слегка заехала на белую линию передними колесами, она была забита до самого потолка, но не людьми, а вещами. С виду напоминала мусорный бак, она была полностью прозрачна, и хлам, лежавший на заднем сиденье, хорошо просматривался: старые вещи, пакеты, цветочные горшки, книги, сверху лежали свернутый белый халат и врачебный чепчик. На задней крышке багажника висел ободранный, слегка заржавевший значок «ФИАТ». Окно было чуть-чуть приоткрыто, за рулем сидел мужчина лет пятидесяти, может, пятидесяти с небольшим, совершенно обычной неприметной внешности, волосы у него были темные, с прожилками седины. Его руки крепко сжимали руль, спина была согнута как вопросительный знак, лицо напряжено, глаза смотрели вперед совершенно пустым отсутствующим взглядом: мыслями он находился где-то очень далеко. На нем была серая рубашка в полоску, несколько верхних пуговиц расстегнуты. Это врач. Он не смотрел по сторонам, не разговаривал по телефону, он не из тех, кто поскорей дожидается старта.

Красный свет горел еще очень уверенно, но некоторые водители уже отпустили педаль тормоза и пересекли передними колесами белую черту стопа. Или старта: смотря, с какой стороны на эту линию посмотреть.

Загорелся зеленый – можно ехать, но к тому времени, когда фиат тронулся, от стоявших рядом машин осталась только пыль. Мужчина неуверенно давил на педаль газа, машина периодически захлебывалась между передачами, но с гулом и воем двигалась вперед. Такое вождение можно было оценить на двойку, как и состояние автомобиля: далеко на нем не уедешь. Все это говорило о том, что доктор, скорее всего, не опытный водитель, а просто чайник, как принято говорить в народе.

«А куда мне, собственно, торопиться, если спешить уже некуда?» – подумал мужчина за рулем зеленого фиата и спокойно занял правую полосу.

Периодически он отрывал взгляд от дороги и смотрел по сторонам, будто прощаясь с этими окрестностями, вспоминая моменты своей жизни, судя по его хмурому лицу, воспоминания были не самые прекрасные, за все время этот человек ни разу не улыбнулся.

Параллельно с дорогой проходило железнодорожное полотно, шум проезжающего поезда заглушил музыку, доносившуюся из старого приемника, которая и без того была еле слышна из-за постоянных радиопомех. Доктор выключил приемник и закрыл окно, чтобы побыть немного в тишине, но в машине тут же стало жарко, ладони вспотели, руль начал проскальзывать. Окно снова пришлось открыть: лучше пусть все шумит, чем такая духота, в этот момент поток воздуха ворвался в салон фиата и взьерошил прическу.

«Я правильно сделал, что решил ехать, – подумал мужчина, – повидая брата, побуду на свежем воздухе. А может, и останусь там навсегда: найду себе применение и буду спокойно жить, главное, что сейчас меня ничего тут не держит. Я абсолютно свободен».

Где-то в глубине самого себя доктор понимал, что это обман и возвращаться ему некуда, что это больше похоже на побег, нежели на путешествие. От таких мыслей он почувствовал некоторую тоску, хотя он и старался всеми силами убедить себя в том, что все не так.

Воздух стал чище и прохладнее, в какой-то момент мужчине даже захотелось остановиться и вздохнуть полной грудью.

«Но это уже лишнее, надо ехать, впереди еще долгий путь и лучше бы думать не о воздухе, а о том, где я окажусь, когда начнет темнеть», – подумал он и снова сделался хмурым и серьезным.

Дорога начала сужаться, и с обеих сторон пошла лесополоса. Доктор периодически посматривал в зеркало заднего вида: город, суета, а с этим и вся жизнь оставались позади, с каждой минутой все дальше и дальше, уже практически ничего не было видно. Мимо пронеслась какая-то машина, поток встречного воздуха слегка толкнул маленький фиат.

«Вот это скорость! – подумал мужчина, и это отвлекло его от грустных мыслей. – Еще несколько километров – и будет первый населенный пункт, надо бы достать карту и спланировать маршрут».

Первые пятьдесят километров пути пролетели моментально, чем дальше уезжал доктор, тем меньше становился мир позади и тем легче было думать о нем.

Притормозив на обочине дороги, он развернул старую карту, лежавшую в бардачке, и, покрутив ее в руках, провел пальцем по маршруту, затем взглянул на часы на правой руке, убрал карту обратно и двинулся дальше. Проехав достаточно большое расстояние, мужчина почувствовал, как в животе начало бурлить, и непреодолимое чувство голода заставило его свернуть к придорожному кафе, даже несмотря на то, что доктор являлся противником такого питания. «Тут есть нельзя», – был строго убежден он.

После долгих и упорных поворотов тяжелого руля мужчина наконец припарковался, аккуратно втиснувшись между двумя фурами, лицо его было кислым, как после дольки лимона, лоб нахмурен, волосы взъерошены. Это было вызвано тем, что ему пришлось противоречить самому себе, что, собственно, не понравилось бы любому.

«Может, тут где-нибудь есть магазин?» – думал доктор, вылезая из машины.

Магазина не оказалось, и он направился в сторону входа, следуя за своим чувством голода, он не ел день, а может, и два.

Заняв самый дальний столик, мужчина достал из кармана платок и протер руки.

– Добрый день, – сказала девушка в фартуке и протянула меню.

Раздражающий хохот дальнобойщиков за соседним столиком отвлекал доктора от изучения меню и не давал ему сосредоточиться, а девушка в фартуке стояла над душой и была уже готова записать каждое слово, хотя записывать было еще нечего. Все как сговорились – ни минуты тишины. Доктор не привык к таким местам, чувство брезгливости распирало его изнутри.

«А к черту все эти правила, съем я котлету и салат, не буду даже нюхать перед первым куском. А что, собственно, может со мной случиться? Все же тут едят! Никто же не умер! Ну, может, даже и умер! И что? Это же не означает, что и меня постигнет та же участь, а если и постигнет?! Некому будет даже расстроиться, только моей бывшей жене, которой придется заняться похоронами», – остановившись на этом убеждении, доктор сделал заказ и, протерев платком лоб, прикрыл на минуту глаза.

Еду принесли быстро, доктор протер вилку и нож салфеткой и принялся пилить котлету.

«Хоть бы поточили для приличия, и как это они так быстро пожарили котлету, интересно? Лежит небось уже неделю, никак не съедается».

Тут скверные мысли отвлекла официантка с подносом, проходящая мимо.

«Хорошенькая», – подумал доктор, и его настроение немного улучшилось.

А следом за ней проковылял старик в церковной одежде с большущей плетеной сумкой, его белая, как вата, борода свисала чуть ли не до колен.

«Лет так девяносто ему, если не больше, многие столько не живут, а он еще и сумки таскает, его тут точно не отравят: глупо дожить до такого возраста и умереть от отравления несвежей котлетой в придорожной забегаловке».

Мужчина допил чай, расплатился и поторопился к машине, солнце скрылось, и небо заволочла огромная серая туча, начал накрапывать дождь. Старенький фиат как всегда завелся не сразу – точнее сразу, но не с первой попытки, он долго не был в ремонте, и некоторые запчасти уже начали выходить из строя. Доктор купил эту машину лет двадцать назад у своего соседа.

«Сам бы, конечно, до такого не додумался, если бы жена не настояла, пришлось тогда по-крупному залезть в долги, – вспоминал мужчина. – Целый год мы жили впроголодь, чтобы расплатиться, водить я тогда еще не умел, только учился. По вечерам мы приходили в гараж, где стоял новенький автомобиль, и сидели в нем, как дураки, жена натирала панель тряпкой и радовалась, как ребенок, хорошие были времена».

2

Погруженный в воспоминания, доктор пристегнул ремень безопасности, дождь становился сильнее, крупные капли падали, ударялись о лобовое стекло и скатывались вниз, размывая вид из лобового стекла. Старые заржавевшие дворники лениво принялись за работу, как только машина тронулась с места.

Выехав на трассу, доктор увидел, как тот самый старик торопится к автобусу, стоящему на остановке метрах в ста от кафе. С сумкой тяжело бежать, да и вообще бегать в таком возрасте не рекомендуется, двери захлопнулись, и автобус тронулся, когда старик был еще на середине пути. Водитель автобуса, видимо, не разглядел опоздавшего пассажира из-за дождя и плохой видимости, старик остановился и попытался отдышаться, прикрывая рукой лицо от дождя. Одышка у него была глубокая и тяжелая, но лицо казалось спокойным, а глаза были почти полностью закрыты.

В душе доктора, как ему самому показалось, ничего не отозвалось.

«Я видел столько смертей, столько людей, просящих, плачущих, изнемогающих от боли, желающих жить, надеющихся на чудо и на Бога, что тронуть меня опоздавшим на рейс стариком вряд ли возможно, даже несмотря на то, что он уже почти весь промок».

Почувствовав это, доктор понял, насколько огрубело его сердце и окаменела еще недавно цветущая душа, он вывернул руль вправо и резко нажал на тормоз. Ему стало страшно от того, что он только что почувствовал, это ведь было действительно так. Дождь бил в лобовое стекло все сильнее и сильнее, дворники не успевали справляться с потоком воды, мужчина потянулся к пассажирской двери и дернул за ручку:

– Садитесь! Садитесь же скорее!

Старик еле стоял на ногах: он все еще не мог отдышаться. Тогда доктор быстро выпрыгнул из машины, взял у старика сумку и понес ее, салон был забит под завязку, а в багажнике еще оставалось место, мужчина стал ковырять ключом в замке, пытаясь открыть крышку, но замок часто заедает, и порой сделать это очень сложно.

«Нашел приключения себе на голову, своих забот будто мало, а вдруг он помрет у меня в машине? Что я буду делать? Надо было оставаться в кафе, там тепло, сухо и телевизор есть, – внутри у доктора снова заговорило старое «я». Тут он почувствовал, как прогибается под тяжестью сумки: – Ничего себе, какая тяжелая! Там что, камни? Как же он ее тащил? Да еще и вприпрыжку!».

Багажник наконец-то открылся, и стало понятно, что сумка просто так туда не влезет.

«Придется что-то выкинуть, но что? Подушка? Старая уже, но жалко, столько ведь спал на ней, привык. Книги? Нет, книги – это святое, без них нельзя. Инструменты нужны, плащ, доска для черчения, магнитофон, компьютер... все нужно, ничего не оставишь. Ну и старика тоже – уже ведь взял, – доктор почувствовал, как его спина промокла насквозь. – Стопка с макулатурой, тут старые записи, диссертации, лекции – занимают полбагажника, выкину, все равно хранить их нет никакого смысла. И зачем я все это взял с собой, ведь хотел распрощаться с прошлой жизнью!».

На долгие раздумья не было времени: мокнуть под дождем не хотелось, да и в салон заливало, доктор схватил стопку и хотел уже поставить ее на тротуар, как тут веревка, которой она была перевязана, лопнула, и вся кипа рассыпалась под ногами. Ветер подхватил белые листки и разбросал их по дороге, дождь тут же прибил бумагу к асфальту, и листки потемнели, пропитавшись насквозь дождевой водой.

«Да и черт с ними, я промок до нитки!» – подумал мужчина и быстро поставил сумку на освободившееся место.

Старик к этому времени уже сидел на пассажирском месте и довольно поглаживал свою мокрую бороду, запрыгнув обратно в машину, доктор достал из кармана платок и начал вытирать лицо.

– Куда путь держите? – обратился он к пассажиру.

– На Брест, – ответил старик.

– И мне туда же! – удивленно ответил мужчина.

– Вот и славно! – сказал старик и уселся поудобнее.

Машина тронулась, густой серо-голубоватый дым, вырвавшийся из выхлопной трубы, быстро рассеялся, и на дороге остались разбросанные воспоминания из прошлой жизни доктора.

Старик задремал, ехать стало тяжело – дождь бил в лобовое стекло так, что дорогу практически не было видно, мужчина впервые вел машину так долго, его руки отяжелели, ноги устали от постоянных нажатий на педаль, но останавливаться было еще рано: надо проехать хотя бы треть пути, а потом уже устроить привал. Так было спланировано заранее, значит, так и надо сделать, чтобы совсем не раскиснуть, доктор включил приемник и стал тихонько подпевать себе под нос. Слов песни он, конечно же, не знал, поэтому получалось очень смешно, когда он дотягивал последнее слово, не попадая в такт. На какой-то момент его губы застыли и он задумался, доктора разбирало страшное любопытство:

«Что же это за старик? Почему он оказался так далеко? Или наоборот, почему едет так далеко? Почему не спланировал свое время так, чтобы не опоздать? А если бы я не остановился? Он что, так и стоял бы под дождем? Такие поездки несвойственны людям в его возрасте. Интересно, кто он? И что лежит в его сумке? Ведь когда я взял ее, она показалась мне легкой, а когда поднимал, чтобы поставить в машину, в ней было килограмм двадцать, как это так? Скорее всего, просто показалось. Конечно же, я думаю об этом только затем, чтобы переключиться на что-то, отвлечься от мыслей, терзающих меня последние двадцать пять лет...».

3

У доктора было очень много вопросов, но в голове его была такая каша, что все они тут же растерялись. Старик закашлял, сначала во сне, потом все сильнее – так сильно, что даже проснулся и схватился за ручку двери.

– Как бы Вы не простудились, батюшка, – сказал мужчина и направил поток теплого воздуха на старика.

– Кашляю, значит живой, – усмехнулся тот и погладил рукой белую бороду.

Следующий час старик ехал молча, смотрел вперед так внимательно, будто сам был за рулем, доктор тоже молчал, хотя у него возникли вопросы, которые хотелось задать.

«Вроде бы надо что-то говорить, ну так ведь принято, нехорошо молчать, когда рядом совсем незнакомый человек».

– Вы, наверное, устали от долгой дороги, – сказал мужчина, нарушив молчание.

– Я привык, я часто в пути, – ответил старик.

«Все стало еще более непонятно», – подумал водитель.

Через некоторое время доктор адаптировался к мысли о том, что рядом сидит какой-то неизвестный человек, который едет с ним неизвестно куда, так как дорогу он представлял себе очень смутно.

– А что тебя побудило отправиться в столь долгое путешествие одному? – наконец-то поинтересовался попутчик.

Доктор приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, не нашел слов, и у него получилось лишь: «Эээ ...ааа...». Он не знал, как уместить в одно предложение всю свою жизнь, а точнее с чего начать? С какой неудачи? И наконец-то он вымолвил:

– От меня ушла жена.

– Сочувствую, – ответил старик.

– А вообще-то я не из-за этого уехал, я совсем по-другому... – и доктор снова растерялся.

– Жена-то давно ушла, – продолжил он, – просто в последнее время... а точнее всю жизнь... но в последнее время... Мне просто сложно сейчас, вот я и решил уехать, – наконец-то сформулировал мужчина.

– Сочувствую, – снова ответил старик.

Мысли доктора в этот момент были похожи на содержимое его багажника: куча хлама, которая вдобавок еще и перемешалась, ему казалось, что старик должен наброситься на него с расспросами и сочувствием, может быть, даже с советом, как поступить дальше.

«Он ведь старый, мудрый, и у него большой опыт, почему же он молчит?».

А старик, тем не менее, продолжал смотреть в окно и практически не шевелился, только иногда поднимал руку, чтобы погладить свою длинную седую бороду, будто проверял, на месте ли она, и только через какое-то время он произнес:

– И что же случилось?

Доктор продолжил.

Моя жизнь потеряла всякий смысл, я понял, что меня совсем ничего не держит там, где я живу, там, где я прожил всю жизнь, там, где я просто потратил ее впустую. «А отчего бы не уехать?» – подумал я сегодня утром, и вот я тут, еду к брату. Мы почти не виделись – он рос с матерью в Бресте, а я с отцом в Москве. Когда отец уехал и устроил свою жизнь, мать сама отправила меня к нему, за лучшей жизнью, будто я посылка, решила, что это правильно. А брат остался с матерью, маленький совсем был, отец отдал меня учиться в медицинский. Вот так я и стал медиком, матери и брату я слал открытки и подарки на праздники, брат часто звонил, но поговорить удавалось не всегда. Потом он как-то перестал звонить, я решил, что обиделся, вот, думаю, сейчас найду время и обязательно съезжу. Все представлял как позвоню и обрадую!

– Съездил? – неожиданно вставил старик.

– Нет, – ответил доктор, – все чего-то ждал: то весну, то лето... Мать умерла. Прилетел, похоронил – и обратно. Он ведь так и не узнал, что я хотел, я собирался приехать, не на похороны, а просто так чтобы повидаться.

Старик повернул голову к нему:

– Надо было просто сказать ему об этом...

Мужчина не нашел ничего, что бы можно было на это ответить, и на какое-то время в машине снова наступила тишина.

– Но это, опять же, все не причина, – и доктор продолжил рассказ.

Каждое утро я просыпался, шел на кухню, наливал чашку кофе и вставал около окна, рассматривая то, что творится на улице. Окно похоже на живую картину, висящую на стене: каждый день одинаковую и в то же время всегда очень разную. Солнце сменяется дождем, дождь снегом, снег тает, годы оставляют на картине свои следы. Так незаметно, однако, так быстро. Нам дана возможность проследить жизнь того, кому дано прожить меньше. Это удивительно, только мало кто задумывается об этом.

Старик ухмыльнулся.

«Видимо, понял, о чем я говорю, ему ведь столько лет».

– Всю свою жизнь я работал в госпитале, проводил исследования онкологических заболеваний, оперировал безнадежно больных. Я очень хотел помочь, но – увы! – всю жизнь я боролся за обреченную безнадежность. Я знал это, я просто обманывал себя, и только сейчас я смог найти в себе силы признать это.

– А почему сейчас? – спросил старик.

– Потому что все это осталось в прошлом, – сказал мужчина, и ему, очевидно, стало не по себе.

Величина утрат на тот момент казалась доктору необъятной, внутри все сжималось, хотелось просто убежать от всего этого кошмара, он достал из внутреннего кармана куртки бумажник и стал копаться там, вытаскивая какие-то бумажки.

– Вот! – и он протянул своему попутчику снимок.

На старой мятой фотографии был изображен человек, а точнее силуэт маленького свернутого человеческого тельца.

– Это Оле, – сказал мужчина.

– Оля? – переспросил старик.

– Нет, Оле, – четко повторил доктор.

Оле была совсем маленького роста – всего 124 сантиметра. Когда я увидел ее впервые, меня охватил ужас, я дежурил вторые сутки подряд, был настолько уставшим, что глаза закрывались сами собой. Никого уже не ждал и вдруг услышал шум в коридоре, дверь распахнулась, и в приемную ввезли каталку со свернутым клубком. Мне дали карту и приемку, к утру нужно было подготовить операционную. «Это уже не жилец», – услышал я из коридора. Открыл карту: три операции, трепанация, полная слепота. Рак. Я переложил ее на кушетку и попытался распрямить, кисти на руках и ногах казались огромными, голова была больше нормы – это от худобы. Ребра торчали наружу, грудная клетка сжималась и расправлялась по мере дыхания. Глаза были большие, немного впалые, голова бритая, шрамы совсем свежие – нитки торчали во все стороны. Я долго осматривал ее, периодически заглядывая в карту, всего одиннадцать лет. Жалко. Осень в тот год выдалась ранняя, в палатах было холодно, я накрыл ее теплым одеялом и ушел. Наступило утро, я быстро собрался и поехал домой, по приезду долго не мог уснуть, ворочался, разные мысли лезли мне в голову, то и дело заставляя переворачиваться с боку на бок. Обычно мне это несвойственно, я всегда засыпаю быстро, особенно после двойного дежурства.

Впереди показалась развилка, доктору пришлось прервать свой рассказ, чтобы остановиться и взглянуть на карту. Старик немного расслабился и, снова погладив рукой бороду, произнес:

– Этот день изменил твою жизнь, – это был не вопрос, а совершенно четкое утверждение.

– Да! – воскликнул доктор, оторвав глаза от карты – Только я тогда еще об этом не знал.

Крупные капли дождя падали на лобовое стекло все реже, скатываясь по нему одна за другой, вскоре дождь закончился, и ехать стало значительно легче, фиат снова занял правую полосу, аккуратно и четко, будто бы встал на рельсы.

Я проспал тогда всего четыре часа, но на удивление выспался, встал и сразу начал набирать коллеге, который должен был провести операцию, но он не ответил. Тогда я быстро принял душ, перекусил и отправился обратно в больницу, вошел в палату, оглядел всех – ее не было. В коридоре встретил сестру, она сказала, что операцию закончили и перевели Оле в отдельную палату на пятом этаже.

Я старался не шуметь, когда вошел, рядом с ней было несколько врачей из нашего отделения, они осматривали ее. История болезни получилась гораздо больше, чем обычно, да и внимание к Оле было повышенным. Когда обход закончился и все покинули палату, я сел рядом и стал рассматривать ее лицо. Девочка спала, я побыл с ней еще немного и поехал обратно домой. По дороге я думал о том, что заставило меня обратить на нее особое внимание, я ведь таких повидал немало, не первый день «живу в больнице».

Старик улыбнулся:

– Мы все выбираем кого-то одного и посвящаем ему себя, и необязательно это должен быть человек, соответствующий стандартным нормам, так мы устроены.

– Не могу не согласиться, – сказал доктор.

Она открыла во мне новое дыхание, в моей жизни появилось то, за что мне хотелось бороться. К началу новой смены я уже знал все об Оле, ее привезли из Виля после трех операций, дали направление на дополнительное лечение, при осмотре были найдены неудаленные узлы, поэтому и понадобилась срочная операция. Я зашел к ней в палату и начал осмотр, за последние сутки наблюдалось значительное улучшение, она лежала на животе, голова была на боку, глаза открыты, большие, серые. Будучи уверенным в ее полной слепоте, я достал фонарик и направил луч света прямо ей в глаз, она задергалась, заморгала, оболочка намочла. Зрение было плохое, но девочка оказалась не слепой. После заключения офтальмолога стало понятно, что Оле видит только силуэты и яркий свет – это следствие первой неудачной операции. Последние восемь месяцев Оле провела в районной больнице в Виле, а туда попала из детского дома округа. Позже выяснилось, что в приют ее привезли жители деревни, находившейся неподалеку, после смерти бабушки, которая ее растила. Девочку видели мало, и, откуда она появилась у старой женщины, никто не знал.

4

Оле быстро шла на поправку, день за днем, практически все свободное время я проводил с ней. Приходил, уходил. Первые попытки заговорить с ней были неудачными: она просто молчала в ответ. Я видел, что она слышит и понимает меня. Хороший уход и питание полностью привели ее в сознательное состояние. Уже через пару недель она стала самостоятельно подниматься и садиться на край кровати.

Доктор продолжал рассказывать взхлеб: видимо, ему уже давно не выпадала возможность выговориться, не думая, что это на что-то повлияет и завтра кто-то посмотрит на него не так. Набрав в легкие воздуха, он продолжил.

Моя жена... ах да! Я же не сказал еще ни слова о жене! Хотя тут и рассказывать нечего. Мы вместе учились, она, как мне казалось, была хорошей кандидатурой. Мы начали дружить примерно на третьем курсе, закончили, вместе проходили практику в поликлинике, потом она ушла работать в ожоговый центр, стала врачом. Я продолжил практику, был достаточно замкнут, да и она не особенно востребована. Пришел как-то к ней после работы и сделал предложение, она согласилась. Поженились скромно, без пышных церемоний, стали жить. Я защитил кандидатскую, и мне предоставили жилье в новом общежитии, потом получили квартиру – однушку. А если бы были дети, то дали бы больше комнат. Много раз мы разговаривали об этом, все никак не решались, а жена говорила: «Бог не дает». Я-то вообще в Бога не особо верю, вы, батюшка, уж простите за правду, я же медик.

Старик улыбнулся и как-то хитро посмотрел на доктора, но ничего не сказал.

Жизнь наша была ровная, однообразная, работа – дом. Раз в десять лет – ремонт. Меня все устраивало, и ее вроде бы тоже, мы ничего не говорили друг другу по этому поводу.

Как-то однажды у нее в больнице произошел инцидент, я точно не знаю, что там случилось, не стал вмешиваться. Видел, что жена переживает, подумал, если бы хотела, сама бы рассказала, а раз молчит, то и лезть не стану. Она взяла отпуск, уехала в деревню, а потом вернулась и сказала, что работать больше не будет. Я опять не стал вмешиваться, нет – значит, нет. Жить стало сложнее, потому что доход сократился ровно в половину, но это наш брак не разрушило – ужались. Тогда я подумал, что хотя он и не светится счастьем, но все же прочный, привыкли друг к другу, притерлись, как говорится.

Но с появлением Оле все изменилось, я стал часто задерживаться, сначала все никак не мог рассказать – не хотелось, говорил, что много работы, врачей не хватает, приходится работать больше. Но жена, как и все остальные, видела, что со мной что-то не так, пришлось рассказать, мол, девочка лежит, ухаживаю за ней – жалко очень. Жена сначала меня поняла, пришла в больницу, навестила. У меня будто камень с души упал, а потом, дома, говорит: «Жалко ее, поскорее бы забрали обратно». Эти слова, словно морфий, прокатились по венам, попали в каждый уголок моего тела и разом перечеркнули все, что связывало нас вместе. Я очень не хотел, чтобы Оле забирали, более того, я бы не отдал. Да и забирать ее было некому, я думал об этом всю ночь, а утром решил, что надо просто отмолчаться – и все, всегда это помогало – и сейчас поможет.

Прошло еще какое-то время, наступила зима. Однажды утром я проснулся, налил чашку кофе и подошел к окну, люблю такие дни. Смотришь в окно – все белое, снега навалило столько, что даже деревья прогнулись, жалко, что Оле не может увидеть этого.

Я поскорее оделся и поехал в больницу, чтобы рассказать ей, как красиво на улице. Открыл дверь и вижу, как она стоит у окна, вытянув обе руки вверх и прижав ладони к стеклу. Утренний свет бил в окно, Оле была одета в больничную ночнушку, ноги босые, на голове вырос белоснежный пушок. Глаза большие, немного слезятся, на звук открывающейся двери Оле повернула голову ко мне и улыбнулась, я тоже улыбнулся и сказал: «Привет», и она отве-

тила мне: «Привет». Этот день хорошо запомнился, она заговорила со мной, немного, но это был большой шаг вперед.

Тут доктор заметил, что старик снова задремал, и замолчал.

«Может, все это ему и неинтересно вовсе, а я тут сию распинаюсь, – думал он, – или старик просто устал, а заодно и мне дал время передохнуть и еще раз осмыслить все, что я рассказал ему. А какая, собственно, разница, в конечном итоге весь этот рассказ в большей степени нужен мне, а не ему, он-то свою жизнь, наверное, уже сто раз разложил по полочкам».

Доктор почувствовал, как сильно устали его руки и ноги, ему захотелось сделать остановку и размяться. Остановившись на обочине, он вышел из машины и начал тянуться в разные стороны, крутя головой по часовой стрелке, так он обычно делал, выходя из операционной после сложной и долгой операции. Затем мужчина пару раз обошел вокруг машины, прислонился к ней спиной и, закрыв глаза, подставил лицо ярко светящему солнцу.

«Никогда не знаешь, что произойдет с тобой завтра, – подумал доктор, – я ведь и представить себе не мог, что буду стоять здесь, а в моей машине будет сидеть какой-то старик, которого я даже не знаю, как зовут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.